

Великий Блокпост

Антология
донбасской поэзии
2014 — 2022 гг.

Редактор-составитель:
Анна Ревякина

18+

Второе издание

Поэтическая антология
Анна Ревякина
Великий Блокпост. Антология
донбасской поэзии 2014–2022 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69414439

Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014—2022 гг. 2-е

издание: Лира; СПб; 2023

ISBN 978-5-6049588-4-1

Аннотация

Антология донбасской поэзии «Великий Блокпост» — уникальное явление современной литературы. Сборник собрал под одной обложкой лучшие стихи поэтов Донбасса, созданные в драматический период с 2014 по 2022 год, став, по сути, ярчайшим, искренним и очень эмоциональным отражением хронологии героической борьбы Донбасса за право решать свою судьбу. В антологию вошли произведения поэтов общероссийской величины и стихи, рождённые в окопах одетыми в камуфляж поэтами-воинами. Не все авторы дожили до появления этой книги, но их искренние строки нашли заслуженное место на её страницах. Нет сомнений, что эта книга станет поистине монументальным памятником не только русской, но и мировой военной поэзии, с которым будущие поколения станут сверять свои идеалы и надежды. Сорок пять русских

поэтов, каждый из которых добавил свой голос к звучанию новой поэтической эпохи! Сорок пять русских поэтов, приближающих Победу!

Содержание

Донбасский собор, или Попытка предисловия	8
Предчувствие войны	15
Наталья Хаткина	15
«Воздушная тревога. И в какой...»	15
«Жались к огню и к другу друг...»	16
Чаепитие	17
«Нет у света ничего, кроме тьмы...»	17
Александр Кораблёв	19
Предчувствия гражданской войны	19
«Свобода. На краю обрыва...»	19
«...И мы уснули. И во сне...»	19
««Поэзия должна быть страшновата...»	20
«В моей руке, в Твоей ли воле...»	20
«Брат мой, гений и злодей...»	21
«День придёт – и даль отступит...»	21
Вечерние размышления о мимотекущей жизни	22
«Эта рука лишь повод быть в узде...»	25
Евгений Мокин	26
Мир	26
Война	27
Дмитрий Мурзин	28
«Подушка противная...»	28

«За окнами хмуро и сиро...»	28
«Прибыль растёт, растут объёмы продаж...»	29
Новое кино	30
«Тяжела атлетика Мономаха...»	31
Александр Савенков	32
Шахматное	32
Лиловые сумерки	33
Старые качели	35
Любовь Глотова	36
1985	36
Бог и обезьяны	37
О. Дмитрий Трибушный	39
«Говорят, что я умер...»	39
Орфей	40
«Для тех, кто вырос на Руси...»	40
Апокалипсис	41
«Мёртвые к нам не приходят во сне...»	41
Анна Ревякина	43
«Если Он важен не просто тебе, а в рамках Вселенной...»	43
Переселенцы	44
«Я люблю тебя, город мужчин...»	45
2014 год	47
Мария Панчехина	47
«Каждый апрель на границе земли и	47

неба...»	
«От Одессы остался только звук О...»	48
Учительница математики	48
Дмитрий Мурзин	50
«Принесли на Авеля похоронку...»	50
Анна Долгарева	51
«А ты что такой умный...»	51
Владислав Русанов	53
Вальс обречённых	53
Александр Сигида (старший)	54
(Потом)	54
Елена Заславская	55
Чёрный хлеб	55
Эти русские	56
Границы	57
Людмила Гонтарева	58
Молитва	58
Мария Ватутина	59
Одессе	59
О. Дмитрий Трибушный	61
«Над городом гуманитарный снег...»	61
«Тише, тише – ты на самой крыше...»	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Великий Блокпост.
Антология донбасской
поэзии 2014–
2022 гг. 2-е издание**

Редактор-составитель: Анна Ревякина

Картина на обложке: из частной коллекции Анны Ревякиной.

Донбасский собор, или Попытка предисловия

Дорогой читатель! Вернее так: дорогой перечитыватель! Искренне верю, что поэзию необходимо именно перечитывать, хотя, разумеется, никакое перечитывание не заменит дивный восторг первого узнавания текста, но откроет иные двери, иные калитки в мир зачитанного до слёз стихотворения. Перечитыватель оголяет провода, срывает покровы, сам становится текстом. Есть мнение, что автор во время работы над стихотворением словно созывает всех своих читателей из будущего. Всех до единого...

Дорогой перечитыватель, ты держишь в руках антологию донбасских стихотворений «Великий Блокпост», хотя на самом деле это он, великий и трагичный, держит тебя в своей горсти, подносит к близоруким глазам, рассматривает тебя, когда ты открываешь первую главу «Предчувствия войны», и словно бы спрашивает: «А ты чувствуешь?» Спрашивает он голосами птицы высокого полета Натальи Хаткиной, филологического мужа Александра Кораблёва, священника Дмитрия Трибушного etc. И главный вопрос состоит в том, что ты, перечитыватель, им ответишь...

Десять донбасских лет. С 2014 трагического года, когда «От Одессы остался только звук О...», до 2022 года, в ко-

тором постоянно звучат новости о невинно убиенных донбасских детях – ангелах Донбасса. Какими были эти годы? Разными. Сколько в них было горя и сколько было нечаянной хрупкой радости выживших, день за днём вспоминающих наших павших. Главные герои антологии – люди. Шахтёры, поэты, военкоры, филологи, врачи, скрипачи, модели, Авели и каины, перевозчики, рабочие, ветераны, мёртвые и живые, бессмертные наши донбасские люди.

Всё началось с сумбурной майданной осени 2013 года, когда в Киеве в очередной раз правил бал хаос, а на здании Главпочтамта в Донецке остановились городские часы, и наступила эпоха безвременья. И посреди той гулкой тишины, не нарушаемой даже тиканьем, сквозь полые недра шахтёрских мест начал пробиваться к солнцу росток высокой донбасской поэзии, поэзии сопротивления.

В одной из самых известных шахтёрских лирических песен ставится вопрос «Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был?» Позволю себе продолжить этот ряд. Что вы знаете о мире, если не были в Донбассе, если не были на войне? «Великий Блокпост» – это антология-путешествие в край терриконов, в бескрайнюю донбасскую степь, изрытую траурными лентами окопов, в самую суть долготерпения русских людей, которые готовы до последней капли крови сражаться за поэтический язык главного русского божества Александра Пушкина. Путешествие это абсолютно безопасно для тела твоего, перечитыватель: тебя не накроет «Града-

ми», ты не будешь сидеть в подвале в окружении банок с помидорами и огурцами, но разум твой и сердце твоё окажутся в эпицентре Донбасса, что равно эпицентру войны, эпицентру катастрофы.

Язык – это кровь народа. Донбасские земли впитали в себя столько крови невинно убиенных, и мне порою кажется, что поэзия здесь могла бы стать попросту невозможной, а единственно верным звуком должно было стать молчание тишины, но нет! Молчать нельзя, молчание – это верная смерть, говорение же равно бессмертию. Пройдёт полсотни лет, и маленькая девочка, возможно, это будет правнучка Алисы Фёдоровой, откроет эту книгу и прочтёт: «...мой город горит, как свечка / у Господа на престоле». Прочтёт и не заплачет только потому, что её прабабушка, большая охотница плакать, как и автор этого предисловия, всё выплакала на много десятилетий вперёд за всех женщин рода.

На мой взгляд, чтобы понять, почему дончане не уезжают из Донецка, достаточно одной строки из стихотворения Вячеслава Теркулова: «...а у нас тут Донецк, и от этого, кажется, легче». Донецк – это магнит. Так было, и так будет. Люди приезжали в город и делали его своей судьбой. А от судьбы ведь не уйдёшь, не улетишь. Судьба – это путь, именно в преодолении этого пути и заключается смысл жизни.

Под обложкой антологии «Великий Блокпост» собраны стихотворения сорока пяти авторов. Сорок пять разных голосов, презревших смерть и воспевающих жизнь. От скупого

на слова, но богатого на формулы слов отца Дмитрия Трибушного до полноводных текстов Ольги Старушко. От уравновешенных стихов филологической девы Марии Панчехиной до поэзии бытовой нездешности Евгения Мокина. И нет в этой антологии бойких агиток или выпретенных штампов, а есть только поэзия Донбасса – сильная слабая женщина в шёлковом платье и накинутой на плечи шахтёрской спецовке. Именно она, эта женщина-поэзия, выбрала своими посредниками с миром людей каждого из сорока пяти, но никак не вечно заплаканный составитель этой антологии. Именно она своими натруженными, но всё же ухоженными руками собрала их всех под одной крышей.

Сорок пять – это, конечно, и про Победу. Про попытку магического воздействия на пространство, про личный вклад каждого в общее дело Победы. Мы победим – так было, и так будет всегда. В этом нет никаких сомнений. Это мне на ушко вчера нашептал в очередной раз артобстрелянный бронзовый и навсегда тридцатисемилетний поэт и военкор Александр Пушкин. Русское слово всегда побеждает.

Среди сорока пяти поэтов, дорогой перечитыватель, ты увидишь не только донбасские – по праву рождения – имена, есть среди них и те, кто сделал Донбасс своей поэтической, а порою и человеческой судьбой. «Донецк – это мой Париж», – сказал мне однажды яркий поэт и военкор Семён Пегов, и я не посмела не согласиться с ним. Как так вышло, что сама поэзия стала фронтовой подругой для военкоров

и бойцов? Большинство авторов этой антологии никогда не оканчивали литературных вузов, поэзия всегда была для них отдушиной, способом не сойти с ума от увиденного.

Новейшие времена вернули русскому народу великую русскую поэзию. Сменилась эпоха. Так всегда было и будет, что именно эпоха определяет высоту поэтического полёта. Смута девяностых, пресное бытование двухтысячных не способны были родить поэтический век, не способны были зажечь. Именно 2022 год вызвал новый взрыв поэзии. Эпоха сменилась мгновенно – 24 февраля 2022 года, но не вдруг. Её готовили поэты, начиная с 2014 года, и даже раньше. Изменился масштаб не только текстов, но и людей.

Мы живём во времена, когда поэт снова становится больше чем поэт. Появилась эпоха, в которой поэзия стала её голосом. И эта новая поэзия отправляет тебя сражаться, расписывается кровью, делает жизнь поэта-воина не напрасной. И не уйдут эти жизни в песок, а ведь могли бы, не наступи этот новый поэтический век.

Моя близкая подруга 24 февраля 2022 года сказала фразу, которая до сих пор звоном стоит в моих ушах. «Этот день мы приближали, как могли». День, когда великая Россия пришла на помощь Донбассу. И не будь решения Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, не было бы и этой антологии. Она попросту никому была бы не нужна... Или нужна, но очень ограниченному кругу. Я благодарю профессора Александра Кораблёва за его помощь

в создании антологии. Спасибо друзьям Владиславу Русанову и Алисе Фёдоровой. Особая благодарность Александру Журавскому.

Антология намеренно разделена по годам. Всмотрись, перечитыватель, это словно бы поэтический учебник истории, хроникёры Донбасса, не жалея себя, писали его, вглядываясь в графичный бесперспективный горизонт, и искали-искали-искали самые верные из возможных слов. Никакой фальшивомонетности и мелочности – только подлинность, помноженная на ежесекундный риск никогда не окончить начатый текст. И только в таких условиях, изнутри, из эпицентра Донбасса, когда смертельная украинская арта играет с горожанами в донбасскую рулетку, и рождается поэзия. И именно эту поэзию изучают белые ангелы Донбасса, когда входят в райские классы.

Третья глава антологии «Великий Блокпост» носит название «Позывной Поэт». В ней собраны тексты восьми поэтов-воинов. От моего доброго друга Сергея Лысенко, погибшего 9 мая 2022 года, до Григория Егоркина, который со снайперской запредельной точностью поражает любую поэтическую цель. Разреши мне вольность, дорогой перечитыватель, я хочу признаться тебе в огромном обрушившемся на меня счастье всматриваться в эти доподлинные тексты. Общим знаменателем для стихотворений поэтов-воинов является уникальное отношение авторов к своим лирическим героям, это взгляд прямо из окопа или с брони, взгляд из-

под каски и через прицел. Это особое братство. Музыка поэзии военнослужащих отличается от музыки хронологической части, она более рваная, тексты осколочные и живые, слова словно бы ещё только складываются в формулы на страницах, ищут своё место. В главе «Позывной Поэт» интересна лексика, много военных слов, которые не всегда понятны гражданским, но, к сожалению, они постепенно входят в наш лексикон.

«Великий БлокПост» – это время долгостояния и долго-терпения, это и час мужества, и кевларовый век, это время До... А что после него? Воскресение. Пасха. Победа.

Анна Ревякина.

28 ноября 2022 года

Предчувствие войны

Наталья Хаткина

«Воздушная тревога. И в какой...»

О. Г.

Воздушная тревога. И в какой
подвал сойти со шкаликом чадящим,
немеркнувшей лампадой спиртовой?
Присядь, скрипя, в углу на старый ящик
и слушай вой. В ушах? Над головой?
В тревоге воздух. Медный купорос —
голубизны отравная истома.
Придёшь домой – воронка вместо дома,
И только ветер треплет, точно пёс,
какие-то листки из старого альбома.
Присядешь собирать – и снова этот свист.
Спуститься вниз опять? Как парковый горнист,
остаться на посту? Пускай уже без горна.
Будь этот гипс живым, то – честен и говнист —
он предал бы родителей позорно.
Эх, Павлик, лишь бы не было войны.

Что ж небеса гудят? Гадальных карт не трогай.
Сгрузи себя в подвал картошкой до весны.
Бог весть, чем прорастешь. Мы все заражены
Воздушно-капельной рассеянной тревогой.

«Жались к огню и к другу друг...»

Жались к огню и к другу друг,
а может, к врагу враг.
Жестяная кружка за кругом круг
описывала в руках.
Пили за жуткое счастье, что
вне городов и догм.
И самым бездомным казался тот,
у которого был дом.
Вплетались в речи то мат, то стих,
то просто трещал костёр.
И только женщин не трогал их
отрывистый разговор.
Проклятье! – уж если сорвётся кто —
не знал бы, не ведал бы...
И самым жестоким казался тот,
который кого-то любил.
Кто знает, что к утру будет вокруг —
болото, степь ли, тайга?
Легли головой на друга друг,
а может, враг на врага.

Уснули. Сквозь зубы – то вскрик, то стон,
то детский какой-то всхлип.
И всех спокойней спал тот,
который завтра погиб.

Чаепитие

Впятером, вшестером, всемером
мы на кухне за тесным столом
пили чай. Мы друг друга любили.
А часы, что за нами следили,
били полночь – и тут же рассвет.
Но казалось, что Времени – нет.
Вдруг, заплавав, воскликнула я:
– Эти чашки не смеют разбиться!
Эти милые пальцы и лица
раствориться не могут во мраке.
Слышишь? Мы никогда не урём!
Впятером, вшестером, всемером,
наши дети и наши друзья,
наши кошки и наши собаки.

«Нет у света ничего, кроме тьмы...»

Нет у света ничего, кроме тьмы.

Он в ней лилией пророс – и погас.
Кто там плачет в темноте? Это мы.
Нет у Бога никого, кроме нас.
Неподатливый такой матерьял —
отрастить не получается крыл.
Вот один хотел взлететь – и пропал.
Впрочем, кто-то говорит: воспарил.
То не лилия растёт средь зимы —
просто хочется любви – прям сейчас.
Нет у света ничего, кроме тьмы,
нет у Бога никого, кроме нас.

Александр Кораблёв

Предчувствия гражданской войны

«Свобода. На краю обрыва...»

Свобода. На краю обрыва
толкает в спину, шепчет: прыгай.
А ты смущаешься и ждешь,
молчишь и знаешь, что шагнёшь.

4 октября 1983 года

«...И мы уснули. И во сне...»

...И мы уснули. И во сне
увидели себя в огне.
Он разгорался, а кругом
вздымался дым и падал гром.
И открывалась пустота,
и мы летим из пустоты,
и нам какой-то капитан
ножом расщеливает рты.

А мы – ни живы, ни мертвы —
бинты срываем с головы.

30 июня 1984 года

««Поэзия должна быть страшновата...»»

«Поэзия должна быть страшновата, —
сказал кузнец, раскаливая горн. —
Век глупостей и милых терпсихор
давно ушёл, и нет ему возврата».
Он вынимал заклётое железо,
и страшен был его багровый лик.
И поднималось солнце из-за леса,
и конь был бел, и всадник терпелив.

«В моей руке, в Твоей ли воле...»

В моей руке, в Твоей ли воле
с дороги камень отвалить
и отпустить меня застолье
в дому своём остановить?
И всё узнать. И дрожь унять.
И вынуть меч. И смерть принять.

«Брат мой, гений и злодей...»

Брат мой, гений и злодей,
сторож горести моей!
То хмельной, то хмурый,
а в зубах окурок.
Кто поймёт тебя, шальной?
Что проймёт тебя, родной?
Не вино, а водка.
Не стихи, а плётка.
Брат мой, в чём я виноват?
Не убей меня, мой брат.

4–18 июля 1984 года

«День придёт – и даль отступит...»

День придёт – и даль отступит,
выше станем и умней,
жар уймём и боль остудим
бедной родины своей.
И увидим всё как есть:
явью явь и снами сны —
от травинки и небес
до окошек расписных.

13 апреля 1985 года

Вечерние размышления о мимотекущей жизни

Давно пора перечитать
одну забытую тетрадь.
Она полна стихотворений
про жизнь, про смерть,
про тьму и свет.
Её писал безвестный гений,
по-моему, в пятнадцать лет.
Я сам когда-то был такой,
но стал искать какой-то свой
ником не слыханный язык
(хотелось числиться поэтом
и быть непонятым при этом).
И вот – учу теперь азы
того наивного искусства,
когда строку диктует чувство.
Пишу народные рассказы.
Боюсь метафор, как проказы.
Хотя охотно их прощаю
друзьям и всем, кого читаю,
особенно ночной порой.
Я восхищаюсь их игрой
стеклянных бус, смертельных трюков

на стыке образов и звуков,
их расстреноженной свободой
на грани мудрости и моды.
Так начинают, но потом
так продолжать мешает что-то —
какая-то не то зевота,
не то забота о другом.

Тот мальчик, начиная жить,
хотел вначале разрешить
два-три вопроса бытия,
включая собственное Я.
Он был на правильном пути.
Он мог дойти до самой сути
и даже далее – до жути.
Но жить – не поле перейти.
Я не о том, что жизнь – загадка,
что уровень её порядка —
удел детей, и то немногих.
Я – о завалах на дорогах.
Вот детский сад, мой первый ад,
вот – школа, вот – военкомат...
Куда ни глянь – одно и то же,
один и тот же путь вперёд,
и каждый день из тех, что прожит,
похож на тот, что настаёт.
И всё течёт, и мы течём,
через овраги и пороги,
солдаты, умники, пророки,

нога к ноге, к плечу плечо...
И надо же, в таком строю,
ломая голову свою,
к чему-то всё-таки прийти
годам примерно к тридцати.

Нет, он не гений, он другой,
из тех, кто предпочёл покой
искусству драки рукопашной.
Где он теперь и как – не спрашивай.
Убит он был или прославлен,
забыт, забит или затравлен —
в конце концов, не в этом дело,
не в том, что тело опустело,
а в том, куда ушла душа.
Оставь его. Не нам решать,
что наша жизнь и смерти наши.
И наши общие параша
не нам придётся убирать.
А если это так, то что ж!
Чем хуже, стало быть, тем лучше.
Любая ложь чему-то учит,
особенно святая ложь.

Изо всего, что пахнет плохо,
родится новая эпоха.
А мы? А мы пока всё те же:
всё те же крики на манеже,
и тот же смех, и ужас тот —

единый лоб, единый рот...
Но что-то всё-таки, но что-то
встаёт из нас, как из болота,
встаёт и голос подаёт,
и спать ночами не даёт.

ОДИН НЕСЧАСТНЫЙ ВЕК КОНЧАЛСЯ,
ДРУГОЙ ЕЩЁ НЕ НАЧИНАЛСЯ...

1987 год

«Эта рука лишь повод быть в узде...»

Эта рука лишь повод быть в узде.
Не бойся, никто не войдёт, пока не взломаны двери.
Солнце и ветер и всё, что есть в моём интерьере,
теперь твоё, ныне и здесь.
Не говори, не спрашивай – просто смотри в огонь.
Эта рука – чтобы верить и не упасть.
Власть над собой – большая власть,
больше, чем этот мир, полный врагов и погонь.
Знаешь, если замкнуть руки и прочертить черту,
и положить меж огней, например, меч,
Можно такое, друг мой, на себя навлечь...
Я не знаю греха чище, чем падение в высоту.

1996 год

Евгений Мокин

Мир

Скоро придут военные
и будет мир.
Будут прятаться пленные
в закутках квартир.
Будут солдаты около
сон твой оберегать.
Будут смотреть в окна —
шторочку отодвигать.
Чтобы ты на работу
смело шёл,
чтобы не смел кто-то
покуситься на жён.
Скоро уйдут военные —
живите сами.
Хрустите позвонками
шейными.
Звоните маме.

2009 год

Война

Сердиться некому.

Женщины – на войну.

И пыль, и мусор болтаются в городе, в доме...

Нас не берут,

и лбом не лепись к окну.

Мужчины, дети – там

– в катакомбах,

в схроне.

Вернутся мамы, а мальчики подросли,

медали трогают папиными руками,

а порох выел остатки густых ресниц...

И некем обнять.

Только ветер гудит в курганах.

2012 год

Дмитрий Мурзин

«Подушка противная...»

Подушка противная.
Одеяло интерактивное.
Вечеринка корпоративная.
В слове «оранжевый» слышится «г» фрикативное.
Кокнули Яндабиева.
Фильмы Димы Месхиева.
«Окна» Нагиева.
Русский язык не доведёт до Киева.
Югославские мины.
Со взрывчаткой машины.
Синие апельсины.
Бедная Украина.

2004 год

«За окнами хмуро и сиро...»

За окнами хмуро и сиро,
уснёшь и увидишь во сне,
что мир разделён на два мира

в какой-то ужасной войне.
В какой-то продуманной бойне,
в каком-то тумане и мгле...
И колокол на колокольне
звонит обо всех на земле.
Ты держишь винтовку, как палку,
от страха и злости дрожишь,
такой близорукий и жалкий,
кого-то убить норовишь...
Окопы, обстрелы и взрывы,
и будет всё именно так,
пока не увидишь красивый,
пробитый осколками знак:
До вражьей столицы две мили.
И тут же проснёшься без сил
от счастья, что мы победили
и ты никого не убил.

2006 год

«Прибыль растёт, растут объёмы продаж...»

Прибыль растёт, растут объёмы продаж.
Даже зарплата – медленно, но растёт.
С прошлой полочки приобретён трельяж,
с этой полочки можно купить комод.

Случка «американ дрим» с русским «давай».
«Этой страны» бездонные закрома...
Яблоко капитализма, советский рай.
Если не пить, то можно сойти с ума.
Я и не пью. Я и почти сошёл,
глядя на эти нравы и времена,
кроха не знает, что плохо, что хорошо,
если что и спасёт – так только война.
Только война расставит всё на места,
только война и только враг у ворот.
Только странная надпись на пол-листа:
«Офис закрыт. Офис ушёл на фронт».

2007 год

Новое кино

Прогуляться выйти субботним днём,
завернуть в кафе невзначай.
И давайте папе пива плеснём,
маме с дочкой заварим чай...
Но в кафе какой-то холодный свет,
пиво – тёплое, чай – с тоской,
потому решит семейный совет
двинуть дружно в сад городской.

Там в саду стоит голубая ель,
там когда-то белка жила,

там в саду лошадка и карусель,
и пинг-понговских два стола...
Продают какую-то ерунду,
постоять – устроит цена...
Духовой оркестр в городском саду
так хорош, словно завтра война...

2012 год

«Тяжела атлетика Мономаха...»

Тяжела атлетика Мономаха,
асинхронно плавание, квёл футбол.
Проигравшего ожидает плаха,
победителю достаётся кол.
Выпьем за победу, да где же кружка,
и, по ходу, нечего наливать...
Коротка дистанция, как кольчужка,
а мы ещё не начали запрягать...

2013 год

Александр Савенков

Шахматное

Дрались, как люди, таков был приказ:
страстно и деловито.
Кровью текли по усталым рукам,
и запекались в свиток,
и на тела, что вкусили азарт,
кони роняли пену,
и к милосердию взывали глаза
зря – мы не брали пленных.
Имя своё, как солдатский жетон,
под униформой пряча,
сгустками прозвищ бросались сквозь стон
смеха и хохот плача:
нами играли живые цари,
ими – тоска да слухи;
над горизонтами брызги зари,
не разгораясь, тухли.
Не было времени в ярости дня
сесть и осмыслить бойню,
времени не было просто поднять
голову – небо вспомнить...
Помню, как враг мой, топтавший врага,

кадровой пал фигурой,
и королева валялась в ногах
пешки с улыбкой дуры,
помню удар и как чья-то рука
в счёте согнула палец,
как над часами два ржавых флажка
одновременно пали:
свет преломился, мелькнул в голове
огненную инфантой,
время толчками струилось из вен
патовым вариантом.
Бросили память на бархат костями,
крышку закрыли с клацем —
ждать, что когда-то вновь станем людьми
да с темнотою шептаться...

2005 год

Лиловые сумерки

Красный впитал темноты глубину,
заиндевел от пыли
троп, что упрямо ведут на войну
судьбы ковыльи.
Звёзды глядят из водицы пруда
тихо, по-жабы,
видно, лихие пришли и сюда
вести да слёзы бабы,

в дом, что ослеп, как склеп,
став у одной из тропок,
смотрит и смотрит в степь,
а по степи галопом
гонят ветра дымы,
и на кургане лысом
глупо просить займы
счастья из старых писем.
Бреши темнеют в садах,
рядом собаки брешут,
зрелость придёт и сюда
и не утешит:
в сердце за ржавым замком
без недостатка хватит
долгой печали на пару веков
и тысячу демократий.
Лягут на днища корзин
жалость к себе да сплетни,
время споткнётся и станет скользить
всё незаметней,
ворон сорвётся с креста —
голубем нищих,
горло отыщет косая черта,
стиснет и взыщет.
Скомкают голос снежком,
заледенят до корки.
И если помянут — то горьким смешком,
с красной слетевшим горки.

2007 год

Старые качели

Снились старые качели,
их размашистый покой...
У моей знакомой Эли
ходят гуси над рекой:
ходят валко, ходят важно
и гогочут, глядя в степь, —
человек висит бумажный
меж хлебами на кресте;
а в доме гуляют гости:
с финкой тризновой в боку,
знать, неплохо на погосте —
постояльцем – муженьку.
В зябкий пух домашней птицы
зарываясь с головой,
май сквозь сумерки глядится
в зазеркалье новых войн.
Ворон в небе цвета гжели
канителит чехарду:
у моей знакомой Эли
дремлет дитяtko в саду.

2003–2012 годы

Любовь Глотова

1985

Выйдешь со дна на берег, долго идёшь пешком
в гору, в город с золотым петушком
на единственной башне, на умной башке.
Это твоя родина, с родинкой на гребешке.
В любую дверь постучишься, за каждой тебе – приют,
а они говорят:
там воруют и пьют,
воруют и пьют.
Это твоя родина, в ней кто брат тебе, тот и волк,
ей много названий разных, одно из имён —
совок
(из детства песочничного, из окающего далека
слово, в нём мутная не выговоренная тоска)
прихлопываешь по ведёрку – что там, кулич или
пирожок.
И, шёлковая бородушка, с башни слетит петушок
он клюнет по темечку времени в дышащий родничок,
а тебе нет ещё года, ты никому, молчок.
Взлетают ракеты, шумит ракета,
спит братец серый волчок,
у тебя зарастает темечко,

времени родничок.

2012 год

Бог и обезьяны

Наш мир стоит на рогах быка, те рога в руках обезьян.
С Земли на них падают облака и капает океан.
Обезьяны хохочут, клыки обнажив, скачут по звёздным тропам.

А за те рога, когда Бог был жив, держалась дева-Европа:
«твои обнажённые чресла теперь берега морей
скажи ты зачем исчезла из вечной жизни моей
я вёл тебя над мирами была ты луны белей
от зависти умирали стрелец близнецы водолей».
После нас будет поток, илистый и извилистый,
он снесёт наши гробы из утробы Земли в океан.
Мы поплывём, и когда к пропасти мы приблизимся,
нам не за что будет схватиться, чтоб не упасть с обезьян.
Обезьяны сменяют друг друга, как по часам,
у них на лбах по табличке: «зделан Я сам
бох ни участвовал ни ва мне
ни в детях маих ни в маей жане».

А нам смешны обезьяны, мы в жилищах своих строгих,
падая в звёздную яму, о грустном думаем боге.

А я упаду для чего? А я к тебе с ночевой —
подсматривать голос твой, когда говоришь с собой,
слушать, как первый снег, скользя, открывает свет.

Я думал, то – божий свет, а это всё твой же свет,
а это всё твой же свет, а это всё твой же свет.

2012 год

О. Дмитрий Трибушный

«Говорят, что я умер...»

Говорят, что я умер,
только слухам не верь.
Я уехал в Ванкувер,
в Филадельфию, в Тверь.
Прогони неотложку
и неожиданную грусть.
Я исчез понарошку
и, конечно, вернусь.
Перелётные звезды
превращаются в дым.
Пусть венки и погосты
выбирают другим.
Напишу ниоткуда:
Не дожди, не грусти.
Я когда-нибудь буду,
а пока отпусти.

2012 год

Орфей

И снег звенит, и путь открыт,
о не смотри назад,
туда, где рукопись горит
и вырубают сад.
Туда, где воля и покой
останутся другим,
где вьётся чёрный часовой
над городом твоим.
Туда, где музыка смогла
разжалобить богов,
туда, где всё сгорит дотла —
и слово, и любовь.

2013 год

«Для тех, кто вырос на Руси...»

Для тех, кто вырос на Руси,
не нужно школы.
Не верь, не бойся, не проси —
твои глаголы.
Они сквозь рёбра проросли,
сквозь позвоночник.
Как только выйдешь из земли,

учись, заочник.

2012 год

Апокалипсис

Господи, в этом городе,
если глаза не лгут,
власть захватили голуби
и прочий небесный люд.
Под мостовыми пыльными
всё ещё прячется жизнь.
Мы обрастаем крыльями.
Нас настигает высь.

2011 год

«Мёртвые к нам не приходят во сне...»

Мёртвые к нам не приходят во сне,
не беспокоят зря.
Все мы остались на этой войне
под залпами ноября.
С той стороны продолжается жизнь,
вертится синий шар.
Все мы сегодня здесь собрались,
чтобы держать удар.

Благословляет на вечный пост
вечный двадцатый век.

И на просторе, открытом всерьёз,
снова стоим за всех.

2012 год

Анна Ревякина

«Если Он важен не просто тебе, а в рамках Вселенной...»

Если Он важен не просто тебе, а в рамках Вселенной,
Он не отвалится, не станет монетой разменной
для автомата с шипучей лимонной водой.

Если Он важен тебе – тысячи лет неживой.

Вдруг, как иголкой игольщик, – нащупана вена.

– Пленных не брать! Война здесь обыкновенна.

Пустая скорлупка сработавшей гильзы,

у автомата щелчок – принимаемый вызов.

– Пленных не брать, добивайте! К ужину гости —
пустые глазницы, лохмотья, гремящие кости.

Ешь телевизор, ересь печатных продуктов.

Эта война на заказ – жуткая шутка.

Не истери, у правды о Нём нет срока.

Находишь ещё в себе подобие Бога

или уже стесался, истёрся духом?

Видишь, земля пылает десятым кругом!

2011 год

Переселенцы

Безнадежность вежливо вынимает из одежды
и голым на снег.

До границы идти из этой страны,
но бережно сохранять её
где-то у основания рода.

Погоду, лицо одноклассницы,
моду на мех, бижутерию и поролон.

Двигаться вон из комнат, в которых погром.
Смерч проносющийся, словно внутри метроном.

Потактово: в нищету и неверие в Бога.

Дома без порогов стоят – недотроги.

И плачут потёками серых фасадов.

Вон из страны разбредаются чада.

Кому-то на запад, там жирная паперть и новый язык.

А кто-то идёт на восток прорасти корнеплодом,
катать вдоль коронок знакомое слово. Тайник
за печатями, в клубнях проводки.

Что толку скрывать гнойники-недомолвки?

Поодиночке бегущие волки —

дети двуликости, стадных рефлексов.

Вы ростом уменьшитесь в вытертой холке,
но вряд ли найдёте лучшее место.

Мне тоже, бывает, хочется с вами бежать,
забывая за окнами пустошь
и чёрный грибок зелёных подъездов.

Но я остаюсь, впиваясь зубами
в свою же костлявую руку.
Ведь, если нести, то честно.

2011 год

«Я люблю тебя, город мужчин...»

Я люблю тебя, город мужчин,
с подведёнными чёрным глазами;
я начну свой визит от вокзала
и продолжу в металле машин.
Возвратиться в него навсегда,
а не просто неделя с родными, —
в сентябре на мои именины,
расписание конца сентября.
Этот город – свиданье с тобой:
мы увидимся, золотом листья
расшивает деревьям бариста —
эта осень кофейной рукой.
Моя радость под пудрой видна.
Ты – мой город, мой город простецкий.
Как прекрасно здесь всё, по-донецки,
так приятно глазеть из окна.
Мой оставленный дом у реки,
мой проспект Ильича и больница, —
мне всё это открытками снится:
пешеходы, афиши и ты.

Ты стал большим теперь для меня,
мой уютный, застенчивый город.
Этот ком, распирающий горло,
я всё так же в тебя влюблена.
Ты меня обнимай, не робей.
От вокзала и до отъезда
мне твой воздух для лёгких полезен
и вальяжность твоих голубей.
Меня городом ты обнимай,
я приехала только за этим.
У меня два обратных билета,
на сегодня – в потерянный май.

2010 год

2014 год

Мария Панчехина

**«Каждый апрель на
границе земли и неба...»**

Каждый апрель на границе земли и неба
повисает, едва лишь касаясь нёба,
уверенное и лёгкое, уверенное и вёрткое
слово твоё: «Поехали».

И ты летишь, летишь, превращаясь в дым,
невесом, невредим и непобедим.

Ты стоишь на орбите совсем один,
абсолютнее всех величин.

И «Восток» твой – «Восток-1».

Это есть пустота, обретение меры и веры,
в то, что жизнь – преодоление тела,
покорение времени и пространства.

Здравствуй, Юрий Гагарин, здравствуй.

Кем ты был, воспаривший святой Георгий,
рассказали комсорги, профорги.

Я пишу тебе из другой эпохи —

у нас принято лайкать и кликать.
Гагарин, космос – когда от улыбки
в апреле на землю приходит весна.

«От Одессы остался только звук О...»

От Одессы остался только звук О.
И не понять, иврит ли это или идиш.
О – это когда на крышу выйдешь,
но даже еврейский бог не спасёт.
И тело твоё чернее Чёрного моря,
и мама твоя уже не откроет окно,
чтобы крикнуть: «Пожар!», «Поджог!»
О, абсолютное О. Бесконечное, как огонь,
отзвук двух мировых войн.
И если ещё есть голос, то не молчи,
там горят скрипачи, инженеры, зубные врачи.
А Одесса ответит тебе гудком,
сиротливой сиреной, в которой услышишь О.
Шма, Израэль. Я иду в Твой дом.
Накрывай меня с головой не огнём, – водой.

Учительница математики

Кто не знает эту цыпу?

Нецелованную тётю Цилю,
тётю Цифру из соседнего подъезда?..
Она всем давала под проценты
и подписывалась именем
«Лиля» или «Оля».
Ей было всего двадцать,
когда перестала смеяться,
когда пришли,
приложили линейку и сказали,
что она – еврейка.
Спи спокойно,
береги своё белое личико,
Циля в цементе,
Циля в кирпичике.
Плечико к плечiku окровавленному —
дочка Давидова, колено Израилево.

Дмитрий Мурзин

«Принесли на Авеля похоронку...»

Принесли на Авеля похоронку.

Тишина стоит, что ни звук – то всхлип,
тишина стоит, только треск в колонках.

И не в курсе Каин, во что он влип...

...

Если б Ева сама не рвала где тонко,
то Адам, как трепетный сомелье,
пригубил бы яблочную самогонку,
настоявшуюся на змее.

Анна Долгарева

«А ты что такой умный...»

А ты что такой умный,
как будто бы знаешь точно,
стоит ли умирать,
стоит оно того?
Слушай, не надо лозунгов,
и так-то тошно.
Я-то?
Да я об этом совсем ничего.

Нет, я не знаю.
И ты не знаешь.
Разве о том, что ордена удостоят.
Может, в газете ещё пропишут и пустят слухи.
А если хочешь знать,
стоит ли,
стоит? —
то вот, спроси у Андрюхи.

А Андрюха ходит по яблоневому саду,
на ветру струится ковыль.
А Андрюха смеётся, ему ничего не надо,

на лице у него пыль,
голова у него в цвету, в цветах.
голова у него в кустах.

И роса на яблоках, и в каплях солнце,
у заката лицо огнево.

А Андрюха оборачивается и смеётся:
ничего не знаю, мол, ничего.
может, и хотел бы что-то ответить,
но становится темнота,
налетает, уносит его ветер
за чёрные леса, за далёкие города,
и ничего он не скажет тебе
никогда.

...и исчезают яблони, и становится тишина,
и только горит костёр,
а ты иди, раздвигая мрак, ничего не знай,
до далёких морей, до высоких гор.

Там, у дороги, в лесополосе,
упадёшь, уставившись в темноту.
И когда-нибудь будет радость, и солнце в росе,
и яблони во цвету.

Владислав Русанов

Вальс обречённых

Нас не язвите словами облыжными,
жарко ли, холодно? По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
взял и несёт, а мы всё-таки выживем.
Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружится в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
только молчат, а мы всё-таки выживем.
Не голосите, холёно-престижные,
будто мы сами во всём виноватые.
На небе облако белой ватой
мчит в никуда, а мы всё-таки выживем.
Не разобратся, что лучше, что ближе нам?
«Шашки подвысь, и в намёт, благородие!»
Нам смерть на Родине, вам же – без Родины.
Вот как-то так... А мы всё-таки выживем!

Александр Сигида (старший)

(Потом)

этой весной соловьи не пели,
зато научились высвистывать пули,
они выбирали высокие цели,
но промахнулись и обманули.
а мирные птахи летели мимо
и представляли собой мишени,
садились плотно шальные мины,
рвались в районе «большой кишени».

Елена Заславская

Чёрный хлеб

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.
Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.
А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: «Я уйду. Прости».
И внук сказал: «Я тоже. Отпусти».
И правнуки заметно повзрослели.
И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шёл, а друг на друга.
И стало чёрным молоко в сосцах.
И стала чёрной кровь в людских сердцах,
как антрацит, наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
и крутит, крутит, крутит чёрный жёрнов.
Мы стали чёрным хлебом на войне,
а были... были золотые зерна.

Эти русские

Эти русские мальчики не меняются:
война, революция, русская рулетка,
умереть, пока не успел состариться,
В XIX, XX, XXI веке.

Эти русские девочки не меняются:
жена декабриста, сестра милосердия,
любить и спасать, пока сердце
в груди трепыхается
В XIX, XX, XXI веке.

Ты же мой русский мальчик:
война, ополчение, умереть за Отечество...

Ничего не меняется,
ничего не меняется,
бесы скачут,
ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
красный крест, белый бинт, чистый спирт...
В мясорубке расчеловечивания
будет щит тебе
из моих молитв.

А весна наступает. Цветущие яблони
поют о жизни, презревшей тлен,
так, будто тоже они православные,
русские и после молитвы встают с колен.

Границы

Нас разделяют границы.
Линия фронта. Линия жизни.
Мы будем друг другу сниться,
это всё, что осталось нам ныне.
Я ничего не забыла...
Но снова – в который раз —
обрывается связь мобильная,
остаётся сердечная связь.
Ни прощения, ни отмщения,
только боль распиная грудь,
не осталось путей сообщения,
только Млечный Путь.
И по звёздам, что в небе светятся,
через взорванные мосты
я лечу к тебе, чтобы встретиться
у взятой тобой высоты.

Людмила Гонтарева

Молитва

Услышь нас, Господи, мы – живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той и этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.

В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы:
от миномётного огня,
стрельбы и ненасытных «градов»,
мы сами не спасём себя...

.....

Спасибо, Господи, мы живы...

Мария Ватутина

Одессе

Отойди на шаг. На два.
В красный угол.
Видишь, это не дрова.
Это уголь.
Это – недра. Это с шахт
тянет дымом.
Боже, выходи на шлях,
помоги нам.
Всё теплей, ещё теплей,
жарко, меркло.
Не подбрасывай углей
в это пекло.
По углам их разведи,
по майданам:
и с напалмом из груди,
и с метаном.
Кто заломится в бреду
над сыночком?
Кто поделится в аду
уголёчком?
Ищет третьей мировой

семя жлобье.

Этот уголь – образ Твой
и подобье.

О. Дмитрий Трибушный

«Над городом гуманитарный снег...»

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотнях свищет.
Убежище – читает человек
на школе, превращённой в пепелище.
У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
друг другу посылают похоронки.
Ещё один обстрел – и Новый год.
Украсим ёлку льдом и стекловатой.
И Дед Мороз, наверное, придёт
на праздничные игры с автоматом.

«Тише, тише – ты на самой крыше...»

Тише, тише – ты на самой крыше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.